

Александр Родимцев

Гвардейцы стояли насмерть (фрагмент)

Скиталец морей

С вами говорит Соркин, - слышу я в телефонной трубке чей-то голос. - Вы не помните меня, Александр Ильич?

Видимо, почувствовав, что мне с налету трудно его вспомнить, Соркин торопливо и взволнованно рассказывает о Сталинграде, о волжской переправе, называет моих прежних сослуживцев - З. П. Червякова, В. Ф. Бакая, Г. А. Гулько, затем просит разрешения зайти.

Конечно, можно зайти, я всегда рад встрече с однополчанами.

Но кто же все-таки этот Соркин? Пока он добирается ко мне городским транспортом, я перебираю в ящике письменного стола десятки записных книжек и, наконец, нахожу ту, что искал. Под верхним обрезом обложки полустертая и выцветшая надпись: "Сентябрь 1942 - февраль 1943".

Нет, это не дневник. К сожалению, я не вел тогда дневника. Не хватало времени, и вообще было не до него. И все же они похожи на дневник, мои старые записные книжки.

По укоренившейся армейской привычке я всегда ставил дату записи, свое тогдашнее местопребывание, перечислял дела и лиц, с которыми общался. Разве это не дневник?

Листаю. Мелькают названия населенных пунктов: "Камышин"?.. Нет, не то. "Средняя Ахтуба"? Тоже не то. "Красная слобода"? Кажется, то. Вот она, эта запись:

"13.9.42. Пос. Красная слобода. Голиков приказал переправить Червякова в 2.00 15.2.42. Для этого связаться с Соркиным".

Так вот кто мне сейчас позвонил! "Командир отряда бронекатеров гвардии старший лейтенант Михаил Ефимович Соркин", - значится в моей записной книжке. "Бывший скиталец морей, временно пришвартованный к Нижневолжскому речному бассейну", - так в шутку он говаривал о себе.

В Сталинграде мы с ним часто встречались, и каждый раз он будил в душе прежние представления об океанских просторах, о

жизни моряка, полной романтики, приключений и странствий. Кто из нас в мальчишеском возрасте не мечтал о море?

Звонок у входа. Иду открывать. В дверях встречаю гостя с золотыми шевронами на рукавах черного кителя, в "мичманке", щеголевато сдвинутой набекрень, с потускневшим, как у настоящего морского волка, крабом.

Полумрак прихожей, видимо, скрыл следы, которые пролегли на лице Соркина за прошедшие послевоенные годы, и он, прежний Соркин, молодой и отважный, взглянул мне в глаза "из сорок второго рокового". Не хватало только разве с левой стороны планшетки, а с правой - где-то внизу на длинных ремнях, - пистолета.

Это мое впечатление было так сильно, что оно не рассеялось и тогда, когда мы вошли в комнату, и я заметил поседевшие виски, глубокие складки у рта и морщины у глаз. Но голос Соркина звучал по-прежнему, со знакомой хрипотцой, и мне показалось, что совсем не двадцать с лишком лет тому назад, а только вчера мы расстались.

И хотя поговорить нам было о чем, наша беседа не сразу вошла в колею, а часто прерывалась то паузами, когда мы пробивались к прошлому сквозь дымовую завесу времени, то обычными в таких случаях возгласами: "А помните?"

- А помните, как переправлялся Червяков? - спрашивал меня Соркин. Тогда мы катер потеряли. Его накрыла артиллерия противника...

- Вы головной как будто вели? - отвечал я на вопрос вопросом.

- Я любил его... Он руля хорошо слушался. Как ни охотился за ним немец, уцелел-таки. Один из всего отряда. Я ходил на нем в последний рейс. Помните? Не машина - хронометр, - восхищался Михаил Ефимович. - А экипаж! Такая лихая братва подобралась!..

И я, знавший, что такое волжская переправа в те времена, восхищался вместе с гостем и людьми, и бронекатерами его отряда.

В ту суровую осень Волжской военной флотилии отовсюду грозила беда. По крохотным беззащитным суденышкам прямой наводкой била вражеская артиллерия, строчили пулеметы, сотни минометов изрыгали фугасные и осколочные мины, бросали бомбы самолеты. Смертельную опасность несли плавучие мины,

спускаемые в районе Латошинка - Рынок, где гитлеровцы еще в августе вышли к реке. Даже обыкновенные коряги или топляк могли привести к аварии.

И все же, круто меняя курс, то замедляя ход, то рывком выносясь вперед, от берега к берегу сновали бронекатера, таская за собой на буксирных тросах баржи, паромы, плоты, перебрасывая на правый берег подкрепления, боеприпасы, продукты питания, медикаменты, а на левый - переправляя раненых.

При встречах с бывшими однополчанами у меня постоянно возникал вопрос: что заставляло их всегда пытаться сделать больше, чем это входило в круг обязанностей? Как-то случайно всплыл этот вопрос и сейчас.

- А почему так часто вы сами водили катера? - спросил я Михаила Ефимовича. - Не хватало квалифицированных моряков?

- Хватало! - улыбнулся Соркин. - Даже с избытком. Особенно после того, как оставили Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск. Сейчас даже перечислить страшно, что тогда оставили врагу...

- Так что же заставляло?

Соркин смущенно молчал. Потом, будто подыскивая более весомые доводы, медленно проговорил:

- Право, не знаю... Тянуло. Казалось, будто за штурвалом я нужнее. Вроде как без меня не обойдутся. Впрочем, без меня, конечно, обошлись бы, только вот я без этих катеров не мог обойтись, как-то не получалось...

Для Михаила Ефимовича легче что-либо сделать, чем рассказать, и все-таки я не помню более волнующей беседы, чем эта. Наверное, потому, что Сталинград для меня и Соркина был самой яркой страницей в жизни. Нигде мы не видели столько огня, начиная от пожарищ и кончая огнем оружия - от пистолетов до "катюш" включительно, - как в Сталинграде.

В разговоре перед нами зримо предстали переправа, вокзал, "дом Павлова", Мамаев курган, завод "Красный Октябрь" и снова Мамаев курган, обугленный, изрытый воронками.

Мы расстались, пообещав не забывать друг друга.

И вот я снова один. Продолжаю перелистывать пожелтевшие листки записной книжки. Останавливаюсь на первой

сталинградской записи: "9.9.42. Камышин Средняя Ахтуба".
Вызываю в памяти былое.

...Наша "эмка" с трудом пробирается по ночной фронтовой дороге на юг. Темнота - это еще ничего, можно присмотреться, но вот пыль... Пыль, поднятая солдатскими сапогами, автомобильными и орудийными колесами, гусеницами танков, плотным слоем оседает на ветровое стекло, машина слепнет и того гляди сорвется в кювет. Более того, все время приходится кого-либо обгонять: сначала полки Долгова и Панихина, а теперь вот Елина.

Мы спешим. Мне кажется, в последние полтора-два месяца спешка стала нашим естественным состоянием, даже "на отдыхе", как в шутку называли мы наше пребывание в здешних краях.

В середине июля нашу дивизию впервые за год непрерывных боев разместили за двести километров от фронта, по оврагам и балкам приволжской степи.

"Дивизию!" По нашим фронтовым мерам в ней едва осталась лишь четверть активных штыков, а остальные или томились по госпиталям, или полегли на оборонительных рубежах от Харькова до излучины Дона. Даже из командиров полков ни одного не осталось в строю: трое были ранены, а один - убит.

Помнится, перед тем как нам отправиться сюда, в штабе фронта в Сталинграде молодой генерал, представитель Ставки, очертил красным карандашом на карте овал, охвативший Камышин и Николаевское, и сказал:

- Вот здесь, Родимцев, и отдыхай со своим войском.

Я посмотрел на красный овал, прорезанный голубой полоской Волги, и спросил:

- А долго отдыхать-то?

- Когда надо будет, позовем.

Так я и отдыхал до 9 сентября. С уцелевшими офицерами принимал пополнение. Распределял так, чтобы каждому досталось поровну: и воинов-фронтовиков, и не обстрелянных еще юнцов со школьной скамьи, и пожилых, только что оставивших колхозное поле или заводской цех.

Днем выезжал на учебные поля, стрельбища, полигоны, проводил занятия или совещания, а по вечерам возился со штабной

документацией (долго не назначали начальника штаба дивизии), выступал на комсомольских и партийных собраниях (комиссара дивизии прислали только под конец).

Организации боевой подготовки много внимания уделяли командиры наших стрелковых полков - 34-го, 42-го, 39-го, - Д. И. Панихин, И. П. Елин, С. С. Долгов и артиллерийского - А. В. Клебановский. Все они, а также начальники штабов - Тур, Цвигун, А. В. Колесник - в эти дни буквально не уходили с учебных плацов и полигонов. Вместе с ними трудились мой заместитель В. А. Борисов, дивизионные политработники Г. Я. Марченко, А. К. Щур, комиссары полков П. В. Данилов, О. И. Кокушкин, А. Ф. Тимошенко, Куницын, командующий артиллерией дивизии П. Я. Барбин, дивизионный инженер И. И. Тувский и другие.

А вскоре в нашу дружную семью вошли два новых товарища: начальник штаба Т. В. Бельский и комиссар М. М. Вавилов.

Однажды в штабе, где я возился с бумагами, неожиданно раздался звонкий голос:

- Товарищ генерал-майор, майор Бельский прибыл в ваше распоряжение...

Я поднял глаза: передо мной стоял молодой человек. Несмотря на то, что ему исполнилось тридцать лет, он выглядел юношей. У него было приятное открытое лицо, искрившееся веселой улыбкой.

"Не слишком ли молод для должности начальника штаба дивизии? - с опаской подумал я. - Справится ли?"

Но эти сомнения рассеялись уже в ближайшие два-три дня.

Тихон Владимирович быстро и как-то сразу вошел в жизнь дивизии, взял в свои руки, как начальник штаба, решение ряда важных вопросов. А руки у него оказались цепкими и сильными.

С Вавиловым мы встретились несколько иначе. Когда дивизия была выведена в резерв, наш комиссар Зубков получил назначение на должность члена Военного совета армии (он вскоре погиб в бою). Мы хорошо сработались с Зубковым, привыкли к нему, поэтому расставаться было жаль. И вот в один из этих дней в штабе дивизии в Николаевском появился молчаливый, спокойный человек со звездой политработника на рукаве и тремя шпалами старшего батальонного комиссара на петлицах. Он коротко доложил, что

назначен комиссаром дивизии. Мне что-то в нем не понравилось, теперь уже не помню, что именно. Может, просто в памяти еще жил Зубков. Я сухо ответил новому комиссару. Впрочем, пригласил его (мы в это время собирались обедать) к столу. Вавилов, почувствовав, видимо, в моих словах холодок, угрюмо буркнул: "Спасибо", но обедать не стал. Несколько минут продолжалось неловкое молчание, затем комиссар поднялся и, не говоря ни слова, ушел.

- Вот еще, прислали фигуру, - раздраженно сказал я кому-то из присутствовавших.

А комиссара, как выяснилось, меньше всего интересовало, что мы о нем думаем. Сунув куда-то вещевой мешок с нехитрыми пожитками, он спокойно отправился в подразделения. Через несколько дней его уже знали все бойцы и командиры. Да и он к тому времени, если не по фамилиям, то в лицо знал всех. Его выцветшую, пропитанную солдатским потом гимнастерку можно было постоянно видеть в окружении бойцов и командиров. Исполдволь, без какого-либо внешнего шума Михаил Михайлович взялся за развертывание широкой политической работы среди прибывшего пополнения, в короткий срок сплотил вокруг себя коммунистов и комсомольцев дивизии и стал совершенно незаменимым человеком. Вскоре крепкая дружба связала меня с ним.

Перед сном, как и обычно, я отдергивал на стене защитную шторку и просматривал оперативную карту фронта, на которой начальник разведотдела дивизии майор Бакай ежедневно наносил обстановку.

Синие полукружия и ромбики, обозначавшие немецкую пехоту и танки с нацеленными на Сталинград стрелками, неудержимо прорывались через красные линии наших оборонительных обводов.

Глядя на карту, нетрудно было представить, что творилось там, в междуречье Дона и Волги. Сквозь боевые порядки войск противника, из его тыла на нашу сторону пробивались разрозненные группы красноармейцев и командиров, выходивших из окружения.

Редкие наши стрелковые цепи в наспах отрытых окопах с трудом на какое-то время удерживали мотопехоту и танки врага, а потом рывком отходили на случайно подвернувшийся оборонительный рубеж.

Степные дороги были забиты машинами и повозками, гуртами угоняемого на восток скота.

И надо всем этим, над безводной, выжженной злым августовским солнцем степью, ставшей нежданно-негаданно полем грандиозного по своим масштабам сражения, свободно и безнаказанно проносились фашистские самолеты.

Нетрудно, пожалуй, было предугадать, куда нас направят. Скорей бы только! Но прежде всего нам следовало подготовиться к этому: пополнить, обмундировать, вооружить и подучить людей.

* * *

В середине августа мне приказали выехать в район возможной дислокации дивизии севернее Сталинграда. Кстати, в пути у меня состоялась одна из таких знаменательных встреч, какие на всю жизнь оставляют след в памяти.

Поздно ночью я отправился в дорогу, чтобы с рассветом начать рекогносцировку. Перед Сталинградом наша машина на повороте соскользнула в кювет: шофер не заметил небольшого оползня.

Как мы ни катали машину взад-вперед, она только глубже оседала в песок.

Я вышел на дорогу и обратился за помощью к сержанту из проходившего мимо какого-то подразделения. Несколько бойцов дружно начали выкатывать нашу машину на шоссе.

- Что случилось? - услышал я в темноте очень знакомый голос.

"Рубен? Не может быть!" - мелькнуло у меня предположение.

Когда к сержанту подошел командир, я крикнул:

- Рубен!

- Салуд, камарадос Павлито, - бросился ко мне испанец. - Товарищ генерал, это же невозможно! Такая встреча!

Мы крепко обнялись.

Передо мной стоял он, юный друг лейтенант Рубен Руис Ибаррури, сын председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури.

- Ты не забыл, Рубен, где мы встретились в первый раз?

- Нет, Павлито, не забыл. Это было под Мадридом у майора Энрике Листера. Вы долго не могли понять, почему мое лицо вам знакомо...

- Пока Листер не расхохотался и не сказал, что ты и мать схожи, как две капли воды. Ты ведь был тогда совсем мальчик!

- Нет, Павлито, тогда мне было уже семнадцать. А сейчас - увы! двадцать два.

С Рубеном мы познакомились в Испании в день моего возвращения на Родину, когда срок моего пребывания в рядах испанской республиканской армии, где я служил под именем Павлито, истек и я зашел к Энрике Листеру проститься. Во время нашего разговора в кабинет быстро вошел высокий, стройный паренек. И хозяин, и гость бросились навстречу друг другу. Мне тогда показалось, что встретились после долгой разлуки отец и сын.

- Это капрал Рубен Ибаррури, сын нашей Пассионарии, - представил мне Листер черноволосого паренька.

- Такой молодой и уже капрал! - вырвалось у меня.

- Не удивляйтесь, Павлито. С детских лет Рубен участвовал в демонстрациях, подвергавшихся вооруженному нападению полиции, - стал пояснять мне Листер. - На могилах павших борцов он вместе с нами клялся мстить душителям свободы. В тринадцать лет он стал активным распространителем подпольной печати в Мадриде. А сейчас - это сознательный и стойкий борец за республику. Вот уже год, как он в непрерывных боях с фалангистами.

- Энрико, не надо! - пытался перебить майора Рубен.

Было видно, что он смущен таким отзывом.

- Не стесняйся, мой мальчик, выше голову! - подбодрил его Листер. Побольше бы таких, как ты, и мы изгнали бы фалангистов из Испании.

И Рубен стал вспоминать о последних боях. Несмотря на молодой задор, было видно, что борьба для Рубена - не

романтическое приключение, как у некоторых юношей, а глубоко осознанная необходимость спасения родины от фашизма.

- Я рад, что вместе с нами русские друзья. Я полюбил вашу советскую страну, - признался Рубен.

- А ты разве был у нас? - удивился я.

- Да. Когда маму бросили в тюрьму и полиция разыскивала меня и сестру Амалию, наши друзья переправили нас в Москву. Так я стал москвичом... - не без гордости подчеркнул Рубен и продолжал: - Я работал на автозаводе и учился в средней школе. У меня было много русских друзей. Мы часто пели про "Катюшу" и про "Трех танкистов"...

- А потом этот мальчуган от вас сбежал, - вмешался Листер. - Да, да, Павлито, сбежал. Когда у нас здесь случился фашистский мятеж, он, скрыв свое имя и возраст, направился в испанское посольство в Москве и таким образом вернулся на родину, где добровольно вступил в республиканскую армию - был зачислен в горнострелковую роту. За храбрость в боях его произвели в капралы...

Я тогда очень спешил, и мы расстались. Прежде чем скрыться за поворотом, я обернулся: Рубен и Листер продолжали стоять на дороге, подняв кулаки в антифашистском салюте. Я также поднял правую руку с крепко сжатым кулаком на уровне виска. И с тех пор меня с Рубеном связывало нечто большее, нежели воинское братство: мы были антифашистами.

Наши пути от залитой солнцем Гвадалахары до этой встречи в сталинградской степи еще раз пересеклись в Москве. Вспомнив об этом, я здесь, прямо на дороге, спросил Рубена:

- Ты не забыл про наше соревнование, Рубен?

- Нет, Павлито! Я долго тренировался и стал укладываться в ваше время...

Это было за год до войны. Однажды я по делам зашел в Московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР, которое я когда-то окончил. Мой товарищ, ведущий курс огневой подготовки, пригласил меня к себе на занятие. Тогда курсанты изучали материальную часть станкового пулемета системы "максим". Я очень любил это оружие, и мне захотелось потряхнуть стариной - с завязанными глазами разобрать и собрать замок

пулемета. Я успешно справился с задачей. После мой друг обратился к курсантам:

- Ну, кто еще повторит то же самое?

Курсанты сначала не решались - дело-то не такое уж простое. Но потом один из них вызвался. Он только на пять секунд отстал от меня.

Когда курсант снял повязку, я увидел знакомые, слегка прищуренные в довольной улыбке глаза:

- Рубен!

- Павлито! Я думал забыли!

- Разве таких, как ты, забывают, Рубен?

К изумлению стоявших курсантов, мы обнялись, по-испански хлопая ладонями друг друга по спине.

Потом Рубен с горечью рассказывал о низложении кучкой интриганов-заговорщиков законного испанского правительства, о последних боях республиканских войск с мятежниками Франко, поддерживаемых фашистскими правительствами Италии и Германии, правящими кругами Англии, Франции и США.

И вот сейчас, при новой встрече, Рубен мне заметил:

- Как у нас много общего, Павлито. Вместе мы воевали в Испании, учились в одном и том же военном училище, а теперь встретились на одном и том же фронте.

- И еще одна общая деталь сближает нас друг с другом, - добавил я.

На груди Рубена я заметил орден Красного Знамени.

- Давно?

- С год назад... За Березину, - ответил Рубен.

- Поздравляю! - я крепко пожал ему руку.

Я был поражен таким совпадением. И Рубен, и я получили свои первые ордена Красного Знамени за бои с фашистами на водных рубежах, только он, испанский юноша, на исконно русской реке Березине, а я - на испанской реке Мансанарес.

- Вот это здорово! - с горячностью южанина воскликнул Рубен. - А говорят, что на свете нет чудес. Есть чудеса!

Затем Рубен коротко рассказал мне, как он вместе со своим пулеметным взводом прикрывал переправу через Березину, был тяжело ранен и потерял сознание. Из его взвода никого не осталось

в живых, а самого Рубена вывезли с поля боя на нашу сторону на последнем отходившем танке.

Рота Рубена сворачивала с шоссе на дорогу, что вела на Самофаловку. Настала пора расставаться. На прощание Рубен сказал:

- Павлито, я слышал, что сюда, под Сталинград, брошены главные силы фашистов. Я верю, что мы разобьем их. И тогда для меня начнется дорога в Испанию. В нашу с вами Испанию, за которую мы вместе дрались когда-то, за которую погиб генерал Лукач.

- Верно, Рубен. Здесь-то фашисты не пройдут!

- Но пасаран, Павлито!

- Но пасаран, Рубен!

Отъезжая, я спохватился: мы не обменялись адресами. Но ничего - мы еще встретимся, Рубен! Какая это была по счету встреча? Третья? Мы встретимся и в четвертый, и в пятый раз! Только вот когда? При каких обстоятельствах?

* * *

Как ни удачна была рекогносцировка, дивизия по-прежнему оставалась в районе Камышин-Николаевское: уж слишком резко изменилась обстановка.

Однажды не только на шоссе, но и на всех проселках и полевых дорогах в нашем расположении появились толпы беженцев. Они сообщили, что Сталинград подвергся чудовищной по жестокости бомбардировке. На огромный цветущий город с 600-тысячным населением налетело свыше шестисот фашистских самолетов. Многие госпитали, больницы, школы, культурно-бытовые учреждения, жилые кварталы были превращены в руины от бомбовых ударов и пожаров. В огне плавилось стекло и металл.

Город представлял собою огромный костер, пламя которого охватило и Волгу: на воде бурно пылала нефть, разлившаяся из разбитых нефтехранилищ. С доисторических времен ни один город на земле не подвергался такому разрушению. В огне пожаров и от осколков бомб погибло более 40 тысяч мирных жителей - преимущественно стариков, женщин и детей.

Вечером того же дня майор Бакай взял карту и синим карандашом провел стрелу, толстое острие которой напоминало голову гадюки, в район Рынок и Латошинки, что на северной окраине Сталинграда. Это означало, что гитлеровцы вышли к Волге.

Я понял, что нам находиться здесь осталось считанные дни. Да и пора! Месяц боевой подготовки не прошел даром. Нам удалось основательно подучить новое пополнение, добиться тесной спайки ветеранов и молодых бойцов, пришедших в дивизию. Мы с еще большим нетерпением стали ждать приказа Ставки о выступлении дивизии. Это нетерпение подогревалось тем, что если первое время наше пребывание в тылу оправдывалось необходимостью укомплектования частей, то теперь этот довод утратил силу.

* * *

Представьте себе на мгновение, что дом, в котором вы живете, объят пламенем, что жизни ваших близких угрожает смертельная опасность, а вы в это время находитесь где-то вдали и не принимаете участия в борьбе с разыгравшейся стихией. В этом случае очень слабым утешением будет то, что вдалеке от дома вы заняты изучением правил борьбы с пожарами. Примерно такое же чувство в то время испытывали бойцы и командиры нашей дивизии.

Жаркое лето было на исходе. Утром роса, как иней, покрывала белым ковром траву, вечером с Волги тянуло прохладой.

И вот в один из первых дней сентября к нам в штаб заехал генерал, и я в первые услышал, хотя и не официальное, но обнадеживающее сообщение.

- Что, товарищ Родимцев, скоро за Волгу драться будешь? - сказал он.

- А разве есть приказ?

- Поговаривают... - отозвался генерал и распрощался.

Генерал оказался прав. 9 сентября был получен приказ Ставки о включении дивизии в состав 62-й армии, которая уже вела ожесточенные бои на подступах к Сталинграду.

Боевой приказ вызвал необыкновенный подъем в частях. Однако было одно обстоятельство, которое в высшей степени смущало: у нас еще не хватало винтовок, автоматов, пулемётов, боеприпасов. Своими сомнениями я поделился с представителем Ставки. Разговор происходил на улице, так как перед этим я проводил занятия и не успел возвратиться в штаб. На мои доводы собеседник ответил:

- В мою задачу входит перебросить вашу дивизию к Сталинграду, а что касается вооружения, то, я думаю, это дело командования фронтом.

Я не мог согласиться с ним, поскольку направляться без оружия туда, где идут ожесточенные бои, и рискованно, и бесцельно. Поэтому тотчас же связался с командованием. Мои требования были удовлетворены. Дивизия вскоре получила значительное количество оружия и боеприпасов...

* * *

И вот мы снова в пути. Надолго останется в памяти эта ночь. В темноте, обгоняя пешие подразделения, шли автоколонны. Чтобы не быть замеченными авиацией противника, они передвигались без света. Водители добросовестно выполняли приказ о спешной переброске, гнали машины. И все же казалось, что движемся мы медленно.

- Остановись и посигналь, - обратился я к шоферу, когда мы поравнялись с головной машиной полка.

Через минуту ко мне подошел полковник Елин.

- Хоть нам, Иван Павлович, приказано явиться в Среднюю Ахтубу, - начал я, - но, мне думается, нас сразу же направят в Сталинград.

- Я тоже так считаю, - спокойно и неторопливо, как и всегда, подтвердил мои предположения Елин.

- Тогда нам надо подумать о боевом обеспечении переправы дивизии. Кого послать в передовой отряд?

- Все мои командиры батальонов - ребята хорошие, но первый есть первый, - проговорил Елин. - Пусть идет Захар Червяков.

- Он еще раз повторит прошлые занятия, - пошутил я.

Елин улыбнулся:

- Да. Только не с условным противником.

- Передайте об этом Червякову сейчас же, да подумайте, чем его усилить, - распорядился я.

И мы разошлись по машинам.

Выбор Елина, пожалуй, был наиболее удачным. На последних тактических учениях под Камышином, проверившихся очень ответственной комиссией, прибывшей из Москвы, при отработке темы "Наступление усиленного стрелкового батальона с преодолением водной преграды" гвардии старший лейтенант Червяков вместе со всеми своими бойцами и командирами получил благодарность от одного старшего начальника.

Дивизионные остряки утверждали, что в ответ на поздравление своих сослуживцев об удаче Червяков якобы сказал:

- При чем тут удача? Немцы научили: восемь рек заставили форсировать. От Буга аж до самой Волги...

Захар Петрович Червяков меня всегда удивлял редким сочетанием широкой русской натуры, полной молодечества и удалы, со сдержанностью и дисциплинированностью воина.

В нашей дивизии он появился в дни самых тяжелых оборонительных боев, которые мы вели под Харьковом после неудачного наступления.

Потери у нас были большие, особенно среди комсостава, и я обрадовался, когда мне доложили о пополнении.

- Сначала с командирами познакомь, - сказал я дивизионному кадровику.

На скате овражка за кустами, неподалеку от штаба дивизии, я увидел группу незнакомых командиров. Они лежали на траве и увлеченно слушали молодого парня с тремя кубиками. Парень был без пилотки, с расстегнутым воротом и, сидя, перебирал струны, видимо, принесенной с собой гитары.

"Мальчишка, обозник, - подумал я. - Пороху, наверное, не нюхал, потому и шатается с гитарой по фронтовым дорогам".

Негромко и как-то особенно задушевно под щемящие переборы инструмента парень пел:

Много нас на полях Украины

Полегло, дорогая моя,

Разорвали немецкие мины

Молодых и здоровых, как я...

Приподняв голову и заметив меня, парень вмиг откинул гитару в сторону, под лопух, быстро застегнул воротник гимнастерки, на голову надел пилотку. Глядя на него, все вскочили. Четким строевым шагом, словно это было не травянистое дно оврага, а утрамбованный плац, парень подошел ко мне и строго по уставному отрапортовал, что группа командиров прибыла из отдела кадров армии в мое распоряжение для прохождения дальнейшей службы и что докладывает старший группы гвардии старший лейтенант Червяков.

В походке Червякова, во взмахе руки, в манере держаться с достоинством, собранно и в то же время свободно и естественно было столько воинского изящества, даже щегольства, что этот молодой командир не мог не вызвать восхищения у окружающих.

Признаюсь, такое мгновенное перевоплощение на первый взгляд расхлябанного, разболтанного парня в отличнейшего строевика все еще не рассеивало у меня внезапно возникшего к нему неприязненного отношения.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
  - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.